

ПРОЛОГ

*Константинополь, март 1167 г. Предместье Галата*¹

За блистающими бирюзой водами залива Золотой Рог, в предместье Галата, с давних времен селились осевшие по той или иной причине в столице Византии латинские христиане. Здесь же основали свою прецепторию² и госпитальеры — рыцари-монахи ордена Святого Иоанна. Здесь принимали на постой паломников из Западной Европы, направлявшихся в Святую землю, оказывали им посильную помощь, в прецептории имелись лечебница и небольшой сиротский приют.

В тот погожий весенний день сестра София³, служившая ордену, вывела подопечных приюта во дворик прецептории на прогулку. Детей было немного: рассыпавшись по двору, они принялись бродить среди оставшихся после недавнего дождя луж. Грубые коричневые накидки делали их неотличимо похожими, словно горошины.

Только один из малышей выделялся среди прочих: казалось, его не интересуют трещины в кирпичной кладке стен, окружавших дворик, куда можно было так славно вставить подобранныю на размокшей земле щепку; он также не пытался спугнуть ворковавших на выступах карнизов голубей или измерить глубину ближайшей лужи. Неподвижно застыв посреди двора, этот ребенок пристально следил за проплывавшими в вышине облаками, при этом выражение его лица было глубоко сосредоточенным и задумчивым. Глаза малыша сияли такой чистой голубизной, что казалось, будто само высокое

---

¹ Галата — предместье Константинополя, основанное генуэзскими колонистами. От основной части города отделено проливом Золотой Рог.

² Прецептория — так называемый «Орденский дом», небольшая административная единица в составе духовно-рыцарского ордена.

³ В отличие от ордена тамплиеров, в котором состояли только мужчины, у госпитальеров служили и женщины — сестры-госпитальерки.

небо отражается в них и озаряет мечтательным светом его бледное личико.

— Какой прелестный малыш! — невольно обронил наблюдавший за мальчиком купец-еврей Ашер бен Соломон, только что вышедший из прецептории, внося положенную за проживание в ее владениях арендную плату.

Сестра София, полная, несколько мужеподобная особа, явно скучавшая в четырех уютных стенах, тотчас догадалась, о ком толкует этот некрещеный, и с готовностью подхватила:

— Это же наш Мартин! Среди армянских и греческих подкидышей мальчонка и в самом деле выглядит сущим ангелом! Что тут скажешь: сразу видна благородная кровь.

— Значит, он не отпрыск неизвестных родителей? — заинтересовался Ашер бен Соломон.

Сестра София, бросив взгляд на окна прецептории и убедившись, что оттуда за ними никто не наблюдает, позволила себе поболтать с этим сутулым длиннородым иудеем, чтобы хоть отчасти развеять одолевавшую ее скуку.

— Хоть ты, Ашер, и грешешь ростовщичеством, все же отвечу: Мартина не подбросили под ворота приюта Святого Иоанна, как никчемного котенка, от которого хотят избавиться. Дитя вверил нашему попечению достойный человек, варанг¹ из тех, что служат при дворе императора... Однако ныне его здесь больше нет, — поправила она себя, сурово поджав тонкие губы.

Ашер бен Соломон смотрел на нее с кроткой улыбкой, ожидая продолжения, и она взялась пояснить:

— Отец Мартина носил имя Хокон Гаутсон, а жена его прозывалась Элина Белая Лебедь. Она и в самом деле была словно дивная птица — иначе и не скажешь. Это в нее пошел Мартин — светловолосый да ясноглазый.

— Какие все же странные имена у этих северных дикарей, — рассеянно произнес купец, не сводя с малыша пристального взгляда.

— Твоя правда, иудей, — закивала сестра София. — Диво, что с такими-то именами они все же почитают Иисуса Христа и Деву Марию. Но это так, иначе мы и не согласились бы приютить

---

¹ Варанги — так называли скандинавских викингов, нанимавшихся на военную службу в Византии (отсюда русское «варяги»).

у себя их чадо. Тебе следует знать, Ашер, что шведы и датчане, направляющиеся в Святую землю, иной раз остаются здесь, в Константинополе, ибо хлеба императора ромеев¹ много щедрее скудных северных достатков. Так вышло и с родителями Мартина. Варанг Хокон Гаутсон стал служить при дворе, но со временем получил повеление снова отправиться в свои края и доставить сюда для службы своих сородичей, сколько бы из них ни изъявили согласие. В то время госпожа Элина была на сносях. Где же ему было оставить супругу, если не здесь? Не с ромейскими же схизматиками, не признающими власти наместника святого Петра!

Монахиня демонстративно осенила себя крестным знамением на латинский манер — всей ладонью и слева направо.

— Выходит, госпожа Элина произвела на свет сына под кровом вашего госпиталя, — задумчиво произнес Ашер бен Соломон. — И, надо полагать, умерла в родах, если ее дитя по сей день пребывает в приюте.

На круглом, со следами перенесенной оспы лице сестры Софии появилось удивленное выражение.

— Истинно говорят, что вашему брату только слово скажи, а об остальном он и сам догадается...

Она уже собралась было уйти, но купец удержал ее за полу плаща.

— Не гневайтесь на неразумного еврея, госпожа! Я всего лишь позволил себе подумать, что родители не оставили бы своего ребенка в приюте, пусть даже он и принадлежит столь почитаемому ордену, сотворившему столько добра, что одно небо знает ему истинную меру.

Похвала ордену Святого Иоанна, хоть и из уст иноверца, несколько смягчила монахиню, и она нехотя подтвердила, что Элина, прозванная Белой Лебедью, действительно скончалась от родильной горячки.

— Мы же, сестры, нарекли младенца Мартином, ибо он родился как раз одиннадцатого ноября, в день, когда церковь вспоминает святого Мартина Турского. Случилось это не далее как четыре года назад.

---

¹ Название «Византия» появилось в трудах западных историков уже после падения Восточной Римской империи. Сами византийцы называли себя римлянами — по-гречески «ромеями», а свою державу — Римской («Ромейской») империей.

— Четыре года назад... — эхом повторил Ашер бен Соломон. — Преклоняюсь перед вашей великолепной памятью, госпожа София. Поистине орден имеет в вашем лице неоценимую помощницу. — Он почтительно склонился, приложив обе руки к ниспадающей на грудь курчавой бороде.

Сестра София с важностью заметила:

— Да уж, жаловаться на память мне не приходится. И я не забыла о том, что, покидая землю ромеев, Хокон Гаутсон внес в прецепторию немалый вклад, дабы его супруга и долгожданный отпрыск ни в чем не нуждались. Да только с тех пор, как он отбыл, больше не было о нем никаких вестей. Недаром отец прецептор говорит, что если бы благородный Хокон отправился на корабле вокруг Европы, это было бы много безопаснее. Однако он избрал путь через земли Руси, где кипят смуты и войны¹ и даже испытанному воину сгинуть так же легко, как угодившей в рыбацкие сети кефали из залива Золотой Рог. И мы уже потеряли всякую надежду, что сей достойный муж вернется за сыном. Что же до Мартина... Долг милосердия велит нам заботиться о нем. Когда же он подрастет, орден решит, как с ним поступить.

Ашер бен Соломон внимательно слушал собеседницу, по-прежнему следя за маленьким Мартином. Приютские дети тем временем затеяли веселую кутерьму, стали носиться, толкая друг друга. Досталось и Мартину — он упал, капюшон его откинулся, открыв светлые пушистые волосы. Другие дети смеялись, не давая младшему встать на ноги, но сын варанга не уронил ни слезинки даже тогда, когда его окатили водой из лужи. Он молча поднимался снова и снова, хотя все это уже не походило на игру, и старшие дети явно измывались над ним.

Сестра София и не подумала вмешаться, чтобы приструнить шалунов. Продолжая болтать, она поведала купцу о том, что деньги, выделенные на содержание ребенка, давно закончились, что живет он в приюте только из милости, как самый обычный подкидыш, а среди схизматиков-ромеев не так уж много желающих жертвовать на приют Святого Иоанна.

¹ В XII в. на Руси происходили частые междоусобные войны, разрушившие систему торговых путей «из варяг в греки».

Поняв намек, Ашер бен Соломон развязал свой кошель и вручил госпитальерке несколько серебряных монет.

— Иоанниты¹ всегда были добры к нам, гонимому и рассеянному народу. Поэтому примите мой скудный дар, достопочтенная госпожа. Думаю, вы знаете наилучший способ, как им распорядиться.

При этом купец повернулся так, чтобы из окон прецептории, где как раз показался один из орденских братьев, могли заметить, что сестра София принимает у него пожертвование. После этого Ашер бен Соломон направился к воротам, но напоследок бросил еще один быстрый внимательный взгляд на светловолосого и голубоглазого ребенка, разительно отличавшегося от большинства смуглых и черноволосых обитателей приюта.

Дом Ашера бен Соломона располагался в предместье Галата, где и предписано было селиться константинопольским евреям. Их община вела замкнутый образ жизни, члены ее были всецело погружены в собственные торговые дела, христиане избегали общения с иноверцами и редко посещали этот квартал. Впрочем, это не помешало купцу вскоре проведать, что сестра-госпитальерка София была уличена в сокрытии полученных от него денег. В результате она рассталась с должностью смотрительницы приюта и была отправлена трудиться скотницей в одно из располагавшихся за пределами столицы поместий, принадлежавших ордену.

А еще через пару недель в прецепторию явился рослый рыжеволосый юноша, обликом походивший на северянина и говоривший по-гречески с варварским акцентом. Юноша назвался Эйриком Эйриксоном и объявил, что прибыл из округа Согн, что в Норвегии, по приказу своего дядюшки ярла Хокон Гаутсона, чтобы забрать из Орденского дома его жену фру Эллину и их ребенка.

Отец прецептор лично принял рыжего норвежца. Первым делом он поставил его в известность, что жена благородного варанга умерла в родах, а затем поинтересовался, отчего же сам Хокон Гаутсон не явился за сыном. Оказалось, что тот при всем желании не смог бы прибыть в Константинополь, ибо получил жестокое увечье в битве, но велел своему родичу Эйрику щедро расплатиться с орденом и забрать жену и сына.

---

¹ Иоанниты — еще одно название ордена госпитальеров, связанное с именем патрона ордена — Святого Иоанна.